

Ресурсы и ресурсная политика
(материалы к обсуждению)

* В работе принимал участие также С.Л.Тарутин.

I. Понятие ресурсов в контексте реализации замыслов преобразований

#1. В чем современная Россия не испытывает недостатка, так это в предложениях по ее обустройству. Предложения эти достаточно разнообразны, но обладают некоторыми общими свойствами, два из которых хотелось бы выделить.

Во-первых, их авторы не занимаются концептуальной проработкой своих предложений, переходя обычно сразу к обсуждению предлагаемых целей и путей их достижения. Во-вторых, они не обсуждают вопроса о том, за счет чего собираются (если собираются) реализовывать свои предложения, каковы ресурсы их претворения в жизнь. (Мы имеем в виду не заведомо демагогические обещания предвыборного характера -- за счет чего они могут быть выполнены, как раз понятно: за счет погружения в трясины долгов и инфляции, -- а разработки вроде бы концептуального и стратегического порядка, типа ориентированных на переход России к так называемому устойчивому развитию или на обеспечение национальной безопасности.) Это кажется тем более удивительным, что еще со времен Перестройки общим местом стали сетования на отсутствие у нас необходимых концепций и на недостаток ресурсов для реализации общепользовательных и спасительных замыслов. Мы полагаем эти особенности взаимосвязанными: представления о ресурсах появляются в ходе концептуализации замыслов, выработки соответствующей политики, формирования программ и т.д., а все это невозможно без надлежащей проработки вопроса о ресурсах их задействования. Оставляя пока в стороне вопрос о концептуальной работе (эскизные представления по этому поводу мы наметили в статье [7]), сосредоточимся на вопросе о ресурсах.

Провал с ресурсным обеспечением замыслов преобразований вряд ли случаен. Тип необходимых ресурсов определяется характером осуществляемой деятельности, а мы, резко меняя последний, более того, меняя тип общественного устройства, говорим (и думаем) о ресурсах в привычном старом смысле, имея в виду ресурсы, которыми "ведали" Госплан и Госснаб. Может быть, сегодня нам важнее совсем другие ресурсы [2]? И уж наверное сегодня нам нужно другое понятие ресурсов. На наш взгляд, ресурсный провал автоматически превращает квазиконцептуальные предложения и разработки в набор благих пожеланий, а тема ресурсов и ресурсной политики оказывается среди немногих важнейших не только в теоретическом плане, но и в практически-политическом.

Любые формы проявления человеческой активности, в том числе ориентированные на развитие и обеспечение национальной безопасности России, сопряжены с формированием и использованием тех или иных ресурсов: материальных (сырье, энергия) и идеальных (знания, проекты). Поэтому любая концепция, а затем и программа, должны отвечать, среди прочего, на вопрос о ресурсах и механизмах своей реализации, причем механизм в данном контексте выступает как система формирования и использования ресурсов в рамках программируемой деятельности. Сказанное представляется достаточным основанием для включения раздела о ресурсах в будущие концепции такого рода. Что касается концепций развития, то для них вопрос о ресурсах оказывается едва ли не ключевым: разные трактовки "ресурсов", в сущности, и разделяют популярную идеологию "устойчивого развития" [3] и предлагаемую нами идею "развития без прилагательных" [6]. Применительно к концепциям обеспечения безопасности (ОБ) тема ресурсов приобретает еще и специфический аспект, связанный с вопросом о том, что именно мы собираемся беречь и охранять, например, в рамках обеспечения национальной безопасности России. Мы считаем, что среди прочего необходимо сохранять т.н. национальное достояние или богатство страны, а для этого нужно тратить некую его (по идее, не слишком большую) долю на ОБ. Тем самым мы связываем два поставленных вопроса (безопасность чего и за счет чего предполагается обеспечить) и задаем минимально необходимый контекст для обсуждения темы о ресурсах в рамках концепции обеспечения национальной безопасности России.

Таким образом, нам придется вести дальнейшее обсуждение в двух взаимосвязанных планах, которые тем не менее необходимо различать. Первый -- план методологических разработок, направленный на построение понятия "ресурсов" и ряд смежных вопросов; второй -- план приложений методологических средств к анализу

современной социокультурной ситуации в России на предмет выработки возможных практических рекомендаций.*

* Второй план мы будем специально увязывать с текущими событиями и феноменами массового сознания посредством ссылок на материалы СМИ, но перенесем эти ссылки в примечания.

Задача, на которую мы ориентированы, достаточно типична: требуется, с одной стороны, оформить существующие ("старые") предметные представления о ресурсах (которые, как мы увидим далее, приводят к непреодолимым трудностям), а с другой -- разоформить их и создать на их месте систему СМД-представлений, относящихся к тому же фрагменту, а в нашем случае скорее аспекту практики, чтобы на этой основе выработать рекомендации и предложения, создающие возможность выхода из тупика. Достижение такого результата может служить критерием завершенности подобной работы.

Как следует из подзаголовка этой статьи, мы пока лишь намечаем предстоящий путь к упомянутым предложениям и рекомендациям. Мы рассчитываем на заинтересованную критику и обсуждение всего последующего.

#2. Говоря о ресурсах, представители разных профессий и сфер деятельности имеют в виду заведомо разное: финансист -- финансовые ресурсы, снабженец -- материально-технические, начальник военкомата -- человеческие (понимаемые при этом весьма специфическим образом), геолог -- природные и т.д. Объединяет всех, пожалуй, лишь интерес к одной форме ресурсов -- "всеобщему эквиваленту", деньгам, которые в рамках экономической организации хозяйства, действительно, выступают в функции замыкающего ресурса.

Нас, однако, интересует другой поворот темы: существуют ли такие позиции (и соответствующие им типы мышления и деятельности), которым нужно понятие "ресурсов вообще"? На наш взгляд, к таким относятся позиции оргуправленцев, политиков и предпринимателей, т.е. позиции, прямо связанные с преобразованием сложившихся систем деятельности и существующего порядка вещей, в т.ч. с упомянутыми задачами развития и обеспечения безопасности. Господствующие в массовом сознании предметные трактовки ресурсов явно не отвечают их профессиональным интересам и целям, которые мы связываем с организацией деятельности представителей разных позиций. Отсутствием понятия ресурсов, на наш взгляд, и объясняется отсутствие указаний на то, за счет чего можно было бы обустроить Россию.

Вместе с тем очевидно, что оргуправленцам, политикам и предпринимателям нужно не только понятие ресурсов, но сверх того нужны методы, средства и процедуры работы с ресурсами или, скорее, работы при отсутствии ресурсов. Об этом мы можем говорить пока только в общем виде -- на уровне понятий и представлений, т.е. в форме заведомо дефицитной по отношению к указанным позициям.

Есть ли, с другой стороны, в современной России оргуправленцы, политики и предприниматели в точном смысле этих слов [4] -- вопрос не праздный, но мы оставим его без прямого ответа. В той мере, в какой эти позиции еще формируются, мы хотели бы способствовать их формированию. В этом случае важными адресатами нашей работы могли бы стать теоретики менеджмента и предпринимательства, а также политологи. В той мере, в какой они уже сформировались, на них и ориентирована в конечном счете эта работа, требующая однако (для такого употребления) продолжения и развертывания прежде всего в плане процедуризации. Пока что это материалы для обсуждения, скорее всего -- в методологическом сообществе. Данная работа началась с нашего участия в формировании концепций развития и обеспечения безопасности, когда вопрос о ресурсах реализации замыслов стал в полный рост.

В самом общем виде ответ на него мы видим в переходе от натуралистической к деятельностной трактовке понятия ресурсов [4], что позволяет в корне пересмотреть существующую ресурсную политику (если считать, что таковая существует). В работе [7] мы дали предельно конкретный, в известной мере вынужденный и заведомо неполный ответ (точнее, нашу версию ответа) на вопрос о ресурсном обеспечении предлагаемых первоочередных действий. Здесь наметился определенный разрыв, хотя бы частично заполнить который и призваны данные материалы.

#3. Общее натуралистическое понятие ресурсов (т.е. родовое понятие по отношению к тем предметным трактовкам ресурсов, о которых мы упоминали выше) может быть

представлено следующим образом. Ресурсы -- это то, что существует объективно (внеположенно, предзаданно) по отношению к деятельности (т.е. естественно) и должно быть "втянуто" извне в деятельность для обеспечения ее бесперебойного функционирования -- в качестве либо исходного материала ("сырьевые ресурсы"), либо иных важных компонентов обеспечения ("финансовые ресурсы", "кадровые ресурсы" и пр.). Такая трактовка ресурсов позволяет, например, ученым-естественникам придавать этому понятию еще более широкое значение -- усматривать "ресурсы" просто в естественных процессах и говорить, скажем, об углекислоте и минеральных солях как ресурсах роста растений, о магме как ресурсе вулканических извержений и т.д. и т.п.

В натуралистической трактовке "ресурсы" классифицируются. Разделение естественно существующих образований на классы определяется теми или иными характеристиками, причем эти классификационные характеристики автоматически переносятся на сами объекты. Поэтому среди таких "ресурсов" можно различать (причем по разным основаниям) их роды и виды -- например, пищевые или энергетические ресурсы; в ряду энергетических ресурсов могут быть выделены нефть, газ, уголь; нефти, в свою очередь, делятся на легкие и тяжелые, угли -- на бурые, каменные и т.д. В деятельностной трактовке мы строим "ресурсы" как понятие функциональное. Согласно деятельностным представлениям, ресурсы существуют только в рамках целенаправленной человеческой активности, где полагаются искусственно-естественными. Для начала можно сказать, что ресурсами становится то и тогда, для чего и когда появляются возможности и способы употребления в деятельности. В этой онтологии уже нельзя говорить о ресурсах применительно к естественным природным процессам (типа извержения вулканов или жизни растений и животных). Более того, приходится вообще отказаться от понятия "естественных ресурсов": в истории легко проследить становление ресурсов из всегда существовавших, но не бывших ранее ресурсами минералов -- металлических руд, нефти, урана и т.д. [1]. Мы считаем, соответственно, что понятие ресурсов напрямую неприменимо и к "естественному" человеческому поведению (согласно Р.Коллингвуду, это вообще не активность, а ре-активность, "пассивность").

На наш взгляд, функциональная трактовка ресурсов требует не классификационного, а типологического подхода, учитывающего прежде всего многообразие не того, что употребляется, а способов употребления. Типология (в отличие от классификации) -- это всегда типология наших представлений о мире, а отнюдь не его объектов. Мы видим мир сквозь призму своих представлений, а они очень разные у носителей разных профессий и разных культур. Поэтому, скажем, то, что для представителя одной позиции будет отходами производства или оторванными от жизни идеями, для представителей других позиций может оказаться ценнейшими ресурсами. В натуралистической трактовке ресурсы потребляются естественным образом: уголь сжигается, деньги тратятся, человеческий труд эксплуатируется и т.д. В деятельностной же трактовке речь идет не о потреблении, использовании естественно существующего материала, а об употреблении, задействовании того, что оказывается необходимым для целенаправленной деятельности сообразно целям и ситуациям: нефть, например, можно использовать как энергоноситель, как сырье для химической промышленности, а можно продать (в качестве товара) или использовать как средство политического давления на потенциального потребителя (что и делают, скажем, страны ОПЕК, превращая нефть из энергоресурса в ресурс политики). Обсуждая натуралистически трактуемые ресурсы (с "приписанными" к ним способами потребления), идеологи "устойчивого развития" указывают на "ресурсную проблему" -- приближающееся исчерпание ресурсов, в первую очередь "природных", необходимых для основных развитых на сегодняшний день типов хозяйственной деятельности -- и предлагают поэтому экономить природные ресурсы для будущих поколений [3]. Но тут мы немедленно приходим к парадоксу: поскольку число будущих поколений неограничено, то, похоже, нам лучше вообще вести растительный образ жизни, вписываясь в существующие (а еще лучше -- существовавшие раньше) биогеохимические циклы.* Даже списав этот парадокс на непроработанность идеи "устойчивого развития", мы столкнемся с той же по сути идеологией в разговорах о "продаже Родины" и -- что гораздо важнее -- в практике формирования текущей хозяйственной политики и проведения реформ, для которых, якобы, властям придерживающимся недостает ресурсов. Действительно, недостает. Вопрос только в том, каких, и на этот вопрос мы постараемся ответить далее, используя деятельностную трактовку ресурсов. Эта последняя относительно нова: она рефлектируется и рафинируется лишь в последние годы [1, 4, 10], пока недостаточно проработана и непривычна, чем, собственно, и вызвана к жизни эта наша работа.

* С учетом этого в новом свете предстает система, именуемая "обществом потребления". Если таковое можно помыслить, то оно (как -- по сходным причинам -- и тоталитарное общество-государство) смертельно больно от рождения. Обоим этим идеальным типам противопоставляется предпринимательское общество [1]. Оставляя на будущее поле дискуссий о ресурсах обеспечения жизни человечества (сама постановка вопроса об искусственном, целенаправленном обеспечении жизни делает осмысленным появление в этом контексте "ресурсов" в их деятельностном понимании), мы обсудим тему ресурсов, имея в виду именно их вторую трактовку. Думается, что она релевантна самой постановке вопроса об (искусственном -- другого не бывает) обеспечении развития и безопасности. Далее мы попытаемся это показать, имея в виду прежде всего искусственно-естественную (И/Е) квалификацию ресурсов, что и отличает прежде всего вторую трактовку от первой, где ресурсы выступают как "природные", "естественные" (Е)*.

* Любопытно, что в научно-фантастической литературе тема искусственного ресурсного обеспечения жизни (на других планетах, в космических кораблях) вполне традиционна. Но надо ли лететь на Марс или к Альфе Центавра, чтобы осознать искусственное происхождение ресурсов?

В деятельностной трактовке ресурсов в теоретическом плане мы полагаем, что "способ употребления" можно мыслить отдельно от употребляемого. Мы пока не можем продемонстрировать эту возможность, но полагаем, что между "предметом" и способами его употребления в деятельности имеется некоторый "зазор". Именно в такой установке мы будем работать дальше, идя к прояснению намеченного выше деятельностного понятия ресурсов и к прорисовке механизмов формирования новых ресурсов в процессах обновления существующих систем деятельности. Поэтому читатель, ждущий рецептов по объявленной теме, может дальше не читать: этот текст рассчитан не на потребление, а на употребление теми, кто заинтересован в соучастии в обсуждении и формировании стратегий и политики развития, обеспечения безопасности, ресурсной политики и, похоже, многого другого. Указывая на конкретные способы употребления, мы тем самым квалифицируем предлагаемые материалы как ресурс в работах означенного и подобного им характера.

#4. Рамочными для нашей трактовки ресурсов" будут представления о мыследеятельности (МД) и о воспроизводящейся (по нормам) деятельности. При этом второе из них, конституируемое известной схемой воспроизводства деятельности и трансляции культуры [9, с.264], мы трактуем как частное (по отношению к представлениям МД), приложимое к тем ситуациям, в которых не осуществляется прожективное, преобразовательное мышление. Но для уточнения СМД-понятия ресурсов, намеченного в предыдущем параграфе, нас интересуют именно те ситуации, в которых необходимо выйти за рамки этой схемы. Поясним этот исходный пункт наших рассуждений.

Мы можем "надевать" на себя схему воспроизводящейся (массовой, безличной) деятельности постольку, поскольку удовлетворены существующим порядком вещей и работаем с ним как с данностью, в его рамках, согласно занимаемому месту, должностной инструкции и существующим культурным нормам. В наборе таких позиций фиксируется существующее в настоящее время разделение труда, наличное множество систем деятельности, регионов, отраслей хозяйства и т.д. В них мы "законно" работаем с объективированными и даже натурализованными превращенными формами, задаваемыми т.н. "научной картиной мира" (которая в рамках СМД-подхода понимается как особая культуротехническая конструкция).

Но настает момент, когда нас уже не удовлетворяет существующий порядок вещей; мы склонны рассматривать его как сложившийся (и сложенный) исторически, в определенных условиях, которые меняются и к настоящему времени изменились настолько, что этот порядок необходимо перестраивать, что мы и делаем в меру своих сил и способностей. Последовательно мыслящий "не-удовлетворенец" фиксирует свое внимание уже не на предметах сложившейся деятельности (в первую очередь своей собственной), а на самой этой деятельности в ее соотношении с культурными нормами, с одной стороны, и с ситуациями реализации этих норм, -- с другой. Задумав изменить свою деятельность сообразно складывающейся (и складываемой) ситуации, своим ценностям и целям, не-удовлетворенец уже не может относиться к окружающему миру и к самому себе как к предзаданным "сущностям", живущим по своим естественным законам. Он начинает относиться к своей деятельности, своему миру и самому себе искусственно-технически.

Тогда -- при достаточно развитой рефлексии -- над системой обычной для нас "производственной" (в расширительном смысле) деятельности формируется особая

система МД. В этой позиции происходит "расколдовывание" мира, превращение его из окостеневшей системы, существующей по раз и навсегда данным законам природы и общества, в живой, лабильный мир, где объекты, вещи, знания, культурные нормы и т.д. начинают рефлексироваться как превращенные формы осуществившихся прежде мышления и деятельности. Возникает вторая -- системомыследеятельностная (СМД) -- картина мира, в корне отличающаяся от привычной "научной", или натуралистической [9, с.143].

Но если она уже возникла, если мы различаем СМД и натуралистический подходы, то тогда мы можем осознанно, контролируемым образом занимать и фиксировать ту или иную позицию. Наоборот, не различая этих подходов и соответствующих им картин мира, мы остаемся "стихийными натуралистами", исправно функционирующими в существующих системах деятельности, либо -- в случае нерелексивной неудовлетворенности -- становимся революционерами.

#5. Позволим себе небольшое отступление, относящееся к ситуации в методологии и ее связям с другими сферами.

Разрабатывая СМД подход и формируя деятельностьную картину мира, методологи обычно делали акцент на коренном различии натуралистического и деятельностного подходов и возникающих в результате их реализации онтологических картин, на преимуществах деятельностного подхода и деятельностной онтологии. Сейчас мы несколько сместим акценты. Оставаясь в рамках СМД подхода и работая в МД позиции, мы будем далее соотносить СМД и натуралистические представления, имея в виду не только то, что вторые могут мыслиться как частный случай первых, но и то, что организация нормальной жизни общества предполагает "мирное сосуществование" и взаимную дополняемость этих картин мира.

Разумеется, такая позиция требует четкого различения СМД и натуралистического подходов и соответствующих онтологических картин, фиксации тех мест в универсуме мышления и деятельности и тех ситуаций, где следует пользоваться теми или другими, равно как и формирования методов и средств их взаимной увязки, что представляет, по-видимому, наибольшие трудности. Мы попытаемся обсуждать понятие "ресурсов" с указанной позиции и полагаем, что сама она сформировалась в контексте именно этой темы отнюдь не случайно. Применительно к "ресурсам" различия натуралистического и СМД подходов не только выступают ярко и выпукло; нам кажется, в конечном счете они еще и достаточно просты. Это материал, на котором можно и нужно работать на расширение методологического плацдарма, имея в виду жгучую актуальность вопроса о ресурсах для современной России (как, впрочем, и для всего мира).

При этом, однако, мы ограничиваем свои экспансионистские планы ситуацией преобразования существующих систем деятельности и признаем ценность консерватизма, представляемого в данном контексте сторонниками натуралистического подхода и мировоззрения. Мы видим проблему в том, что за пределами методологического сообщества не осознаются во всей их значимости границы, разделяющие натуралистический и СМД подходы, с одной стороны, и позиции удовлетворенца-консерватора и не-удовлетворенца -- с другой.

Но когда натуралисты занимают позицию реформаторов и пытаются, согласно известному тезису К.Маркса, изменить мир, ничего хорошего из этого не получается. Ведь их мир -- это мир превращенных форм, который можно изменить только насильственно: локально -- посредством "внедрения", глобально -- революционным путем. Поэтому "натуралист"-реформатор, хочет он того или нет, автоматически становится большевиком, чьи преобразовательные усилия приводят, как правило, к результатам, противоположным исходным замыслам.*

* В этом, собственно, и состоит объяснение знаменитой "антимидасовской" способности большевизма (поганить все, к чему ни прикоснешься) как определенного способа реализации замыслов. Но не оказывается ли большевиком и методолог, навязывающий свои, скажем прямо, непростые подходы и средства мирно трудящемуся консерватору-натуралисту?

Добиться желаемых перемен, на наш взгляд, можно, выходя в указанную выше особую мыследеятельностную позицию и меняя соответствующим образом прежде всего собственные подходы, методы, средства, понятия и представления. Как говорил, кажется, М.Ганди, мы сами должны стать теми изменениями, которые хотим видеть в этом мире. И если методология до сего времени не задействована в российских реформах, то тем хуже и для нее, и для них. Тема ресурсов, повторим, может быть, самая подходящая для того, чтобы перебросить мост между ними.

#6. Как следует из предварительных соображений о "ресурсах" (#3), последние каким-то образом связаны с материалом (мысле)деятельности. Непроясненность этой связи (или отношения?) кажется существенным препятствием на пути к понятию "ресурсов", поэтому нам придется уточнить свои представления о материале. Мы будем говорить о материале как о компоненте системно-структурного представления (мысле)деятельности: во-первых, "материал" -- это одно из функциональных мест в схеме "системной пятислойки" (где, помимо него, фигурируют системообразующий процесс, структура функций, структура связей и организация (или морфология) материала); во-вторых, материал служит наполнением функциональных мест в структурных представлениях деятельности. Мы имеем в виду в первую очередь схему "акта действия" [9, с.233], где в качестве таких мест или структурных элементов выступают исходный материал и продукты деятельности, ее цели, средства, нормы, эталоны и образцы, необходимые для ее осуществления знания, навыки и умения, а также сам "деятель".

О какой бы деятельностью организованности (функциональном элементе системы деятельности) ни шла речь, мы всегда можем различить ее место в структуре деятельности и соответствующее наполнение материалом. Иными словами, мы можем прочитывать деятельностные схемы и, в частности, схему акта действия, как минимум, дважды: один раз -- как структурно-функциональную, второй -- как морфологическую.

Ниже мы специально рассматриваем вопрос об осуществлении деятельности. По сути, это вопрос об фактическом задействовании материала: деятельность неосуществима, пока хотя бы один из элементов ее структуры остается "пустым", не заполненным соответствующим материалом, который организуется при этом сообразно функции данного элемента. С другой стороны, после того как структурная схема деятельности задана, а все функциональные места заполнены (схема морфологизована), -- уже ничего нельзя изменить: деятельностная машина способна работать только согласно своему предназначению.

Можно выделить два типа структурных элементов деятельности. Первые характеризуются тем, что в процессе функционирования и воспроизводства системы деятельности материал "течет" сквозь такие элементы, расходуется и пополняется. (Этот тип структурных элементов, строго говоря, распадается на два подтипа с разными "жизненными циклами". Так, например, "исходный материал", "продукт", а иногда и некоторые технические средства деятельности должны обновляться для каждого акта действия; более "медленно" -- в процессе воспроизводства -- обновляется большая часть технических средств (амортизируемых) и сам "деятель" (повышение квалификации, смена кадров и т.п.). Но это различие для нашего последующего рассуждения о ресурсах оказывается несущественным.) Другие структурные элементы наполняются для деятельности определенного типа, условно говоря, раз и навсегда: изменение их наполнения приводит к изменению самой деятельности. К этому типу деятельности относятся цели, средства, нормы.

#7. Сопоставляя сказанное только что по поводу задействования материала в деятельности с изложенными ранее (#3) предварительными соображениями о ресурсах в СМД трактовке, зададимся вопросом: как соотносятся материал (мысле)деятельности и ресурсы? Можно наметить следующий путь его решения.

Будем различать:

- представление деятельности в виде схем и/или набора предписаний и описаний, включающих, в частности, указания на подлежащий задействованию материал; и
- осуществление деятельности, связанное, повторим, с фактическим задействованием и употреблением ее материала.

Осуществляется всегда, во-первых, деятельность определенного типа (D_i -- педагогическая, проектировочная, производственная), а во-вторых, она осуществляется обычно вначале как экземплифицированная "экспериментальная" МД (ситуативная, личностная), и только затем, будучи отлаженной и нормированной, воспроизводится согласно созданной норме*.

* Вообще говоря, можно представить себе и другой вариант, когда отладка, доводка и нормирование производятся в мысли, а деятельность осуществляется исполнительской системой, как бы сразу ее воспроизводящей по готовой матрице. Такой вариант, однако, представляет скорее теоретический интерес, поскольку на практике чреват известными тупиками "внедрения".

Но тогда, рефлектируя формирование и реализацию замыслов обновления, преобразования, диверсификации деятельности, мы должны специально рассмотреть

вопрос о соотношении деятельности и ее материала. Мы полагаем, что это соотношение меняется, и представляем себе его изменение следующим образом. Представлению о деятельности вообще (Д) соответствует представление о ее материале. Это есть полагание категорий, отношение между которыми опосредуется мыслью -- деятельность разворачивается на материале, который так или иначе в ней задействуется, -- но какие-либо реальные связи отсутствуют. Напротив, в функционирующей системе деятельности определенного типа (D_{ij} , где нижний индекс, повторим, указывает на тип планируемой деятельности, а верхний -- на ее конкретную систему) фактически задействуется соответствующий материал, уже связанный с деятельностью предметно: с помощью наличных средств и через конкретные формы организации и структуры. Наиболее интересен для нас переход от первого случая ко второму, когда в концепциях, программах, проектах формируется, последовательно уточняется и конкретизируется представление о планируемой деятельности (D_i), ее материале и средствах ее задействования. Здесь на базе вырабатываемых представлений о будущей деятельности, с одной стороны, и знаний о ее "потенциальном" материале -- с другой, задается тип будущих предметных связей между упомянутыми представлениями и знаниями в мыслительной действительности. Мы полагаем, что в первых двух случаях, т.е. на уровне задаваемых мыслью отношений и на уровне уже сформировавшихся предметных связей, говорить о "ресурсах" бессмысленно. В первом случае их еще нет и неизвестно, что именно будет выступать в этом качестве; во втором их уже нет: они уже задействованы и используются в форме вполне определенных организованностей материала. "Ресурсы" возникают в ходе реализации преобразований деятельности в рефлексии и проективном мышлении не-удовлетворенца; они выступают как особая форма представления материала, который может быть (и в случае успеха будет) задействован в преобразуемой деятельности сверх или вместо того материала, который уже ею организован и в ней используется. Они, наконец, исчезают, превращаясь в конкретные организованности материала, по завершении процесса преобразований, когда новая система деятельности начинает исправно функционировать.

#8. Все обсуждаемые представления, однако, бытуют пока преимущественно в методологическом сообществе. Управленцы, политики и предприниматели мыслят "ресурсы" даже не как синоним задействуемого в определенной деятельности материала, а как наименование материала, в силу своих свойств пригодного для употребления в деятельности, т.е. натуралистически. Отсюда и возникают "природные", "кадровые", "финансовые" и пр. классы ресурсов. Здесь самое время вспомнить о нашей установке на "мирное сосуществование" и самоопределиться в указанной ситуации. Мы не можем (да и не видим резона) работать с натуралистической трактовкой ресурсов вообще, но можем (и видим резон) указать ее место и границы осмысленного употребления ее приверженцами. Заметим прежде всего, что разговоры о "природных", "сырьевых" и т.п. классах ресурсов осмысленны для фиксированного этапа эволюции цивилизации. В этом плане можно говорить о ресурсах как о материале, для которого сегодня известны способы его эффективного задействования в наличных системах преобразовательной в широком смысле (т.е. включая и производственную) деятельности. С этого, собственно, мы и начинали (см. #3). Различим теперь ресурсы-2 и ресурсы-1. Ресурсы-2 (к которым относятся выделенные выше тезисы) возникают на переходе между двумя модусами существования деятельности -- ее представлением и ее конкретным исполнением. Как и инновации [5], ресурсы-2 суть пограничные образования, живущие на границе, на переходе -- добавим к сказанному -- от прошлого к будущему, от мышления к действию, от идеального к материальному. Применительно к схеме шага развития можно сказать, что ресурсы-2 существуют в ее верхнем топе, в настоящем -- в противоположность оестественным ресурсам-1, существующим в левом нижнем топе, в прошлом, где они уже "склеились" с соответствующим материалом, и эта "склейка" используется по отработанным и нормированным схемам в наличных системах деятельности. Как и прежде -- когда вводились различия этого типа (экспертиза-1 и -2, политика-1 и -2, реформирование-1 и -2 и т.д.) либо, наоборот, -- когда сообразно этой логике объединялись вроде бы разные понятия (мониторинг и авторский надзор, бизнес и предпринимательство), -- мы хотим подчеркнуть двойственность существования всех этих мыслительных конструкций: в рамке функционирования, деятельности ("1") -- и в рамке развития, МД ("2"). Такое

различие не только функционально, но и содержательно, из-за чего и приходится каждый раз вводить его как бы заново.*

* Здесь уместно вспомнить, что еще в средние века было принято различать сакральный и профанный смыслы фундаментальных понятий.

Возвращаясь к вопросу о соотношении материала и ресурсов (1+2), можно заметить, что оно оказывается довольно сложным. Ресурсы -- это не тип материала, а особая типодейятельностная организованность. Любой материал (мыслимый и представляемый в этом качестве применительно к мышлению и деятельности "вообще") может оказаться ресурсом той или иной деятельности (D_i), но он оказывается таковым лишь постольку, поскольку эта деятельность (D₁, D₂ или D₃) формируется и осуществляется. Поскольку и материал, и ресурсы суть понятия функциональные, можно сказать, что их возможное наполнение одно и то же, но места в универсуме мышления и деятельности разные.

Теперь можно уточнить выделенный в #6 тезис: задействование материала в деятельности (D) может мыслиться на уровне представлений, само же формирование и первое осуществление (уже D_i) связано с задействованием соответствующих ресурсов. При этом нас не должно смущать то обстоятельство, что в разных типах и системах деятельности может задействоваться один и тот же материал: способ его задействования и употребления будет разным.

#9. Попробуем с учетом сказанного в #7 выделить основные этапы реализации замыслов преобразований или, с другой стороны, наметить основные типы ситуаций задействования материала, ресурсов и конкретных организованностей материала в деятельности.

Первый этап и первый тип ситуаций -- маркируем его как тип А -- фиксируется появлением (на фоне воспроизводства существующего порядка) позиции не-удовлетворенца и возникновением самого общего замысла преобразований так или иначе сложившегося положения дел. Здесь формируются самые общие представления о будущей деятельности (D_i) и материале, который может быть в ней задействован в дальнейшем, а пока может быть только предметом предварительного изучения, типологизации, классификации и т.п. (Заметим, что различие преобразовательной и познавательной установок в известной мере относительно. С одной стороны, согласно известному афоризму, чтобы узнать что-то новое, надо сделать что-то новое, т.е. при надлежащей организации рефлексии преобразования могут (и должны) использоваться как источник знаний. С другой -- познание можно рассматривать как преобразование наличной системы знаний, и в этом смысле исследователь изначально несет в себе заряд не-удовлетворенности и установку на преобразования (в идеальной действительности). Следовательно, различие познавательной и преобразовательной установок надо относить именно к организации рефлексии по поводу нашей активности, а не к ней самой. Познавательная и преобразовательная позиции мыслятся тогда как особые способы оформления нашего рефлексивного отношения к осуществляемой активности.)

На втором этапе происходит развертывание и диверсификация замыслов, осуществляется их проработка: подбираются аналоги, строятся соответствующие концепции, программы, проекты, проводятся уже специальные, необходимые для их обеспечения изыскания и исследования. С одной стороны, упомянутые концепции, программы и проекты оказываются продуктами и превращенными формами нашей МД, а с другой -- выступают как основные средства намечаемых преобразований.

В ходе проработки замыслов усилия направляются в первую очередь на получение системного представления уже определенной обновляемой и/или создаваемой деятельности (D_i) -- на содержательное наполнение (морфологизацию) мест целей, средств, норм, знаний; лишь затем мы обращаемся к "расходуемому материалу", поскольку в значительной мере он предопределяется указанным набором. (Возможны, впрочем, и другие случаи, когда материал так или иначе предзадан и необходимо выстроить захватывающую его систему (мысле)деятельности, сообразуясь со сменой ситуации и возможностей. Напомним известный методологам пример с выработавшим свой срок реактором Белоярской АЭС, который рекомендовалось использовать как объект исследований.) В ходе этой работы появляется развернутое системное представление планируемой деятельности и впервые намечаются ее ресурсы. Системное представление и проработка новой деятельности создает возможность задействовать тот или иной материал: полученные в этой фазе компоненты мыслительного обеспечения -- знания, средства, нормы новой деятельности -- как раз и составляют упоминавшийся в #3 способ употребления. Маркируем эти ситуации как тип В.

Третий этап -- это этап реализации преобразований "в материале", когда усилия направлены на "первое осуществление" (разработку опытных образцов, работа на экспериментальной площадке, полигоне) новой (мысле)деятельности в первой предназначенной для этого реальной ситуации. Это прыжок от мышления к действию, именно в нем сосредоточена проблемность "реализации замыслов", осуществимости инноваций, а в конечном счете -- диверсификации и развития систем деятельности. Именно на этом этапе необходимо задействовать ресурсы новой (обновленной) (мысле)деятельности. Но для актуализации такой возможности нужна особая (по типу -- оргуправленческая) работа, в ходе которой осуществляемая (мысле)деятельность обеспечивается необходимыми ресурсами, т.е. задействуемый в ней материал надлежащим образом организуется. Маркируем этот тип ситуаций как С.

Четвертый этап характеризуется воспроизводством деятельности, когда новые (искусственно-естественные) ресурсы оестествляются и становятся теми самыми "естественными" сырьевыми, финансовыми, кадровыми и пр. "ресурсами", о которых так волнуются наши "натуралисты". С точки зрения развиваемых здесь представлений они, скорее, перестают быть ресурсами. По крайней мере, до тех пор, пока деятельностьная машина бесперебойно функционирует, они обращаются в определенные (для данной системы) организованности материала, которые используются в оестественной воспроизводящейся деятельности. Вопрос о ресурсах и ресурсном обеспечении встает вновь лишь при возникновении перебоев, разрывов деятельности, ликвидация которых требует вмешательства оргуправленца, артификации и обеспечения деятельности* (т.е. весь рассмотренный цикл повторяется снова). В идеальном случае (в смысле идеальных типов М.Вебера) на четвертом этапе вообще нет и не может быть никаких ситуаций. Однако для полноты картины мы можем обозначить эту "ситуацию удовлетворения" (или застоя) индексом D.

* Как точно отметил 19.03.96 в выступлении по московскому телевидению Ю.Лужков, собственно, только в ситуации невозможности осуществить те или иные замыслы и возникает необходимость в задействовании позиции "хозяйственника", т.е. -- в принятой нами терминологии -- оргуправленца, репрезентирующего МД позицию.

(Мы, таким образом, квалифицируем наиболее распространенные среди экономистов и политиков разговоры о ресурсах хозяйствования как обсуждение одной-единственной ситуации -- воспроизводства деятельности. Это в точности соответствует сути как "развитого социализма", так и "общества потребления", а также натуралистической трактовке ресурсов. Тогда "за кадром" остаются возможности предпринимательской, инновационной и оргуправленческой деятельностей, что фиксирует, между прочим, П.Друкер [1] применительно к существующим экономическим теориям (далее мы рассмотрим этот вопрос подробнее). Напротив, когда речь о ресурсах заходит в контексте обсуждения предпринимательской и политической деятельности, неявным образом подразумеваются ситуации, в которых задействуется прожективное мышление. Квалифицированного предпринимателя или политика не удивишь, указав на такие способы диверсификации ресурсов, как смена целей или средств. Для них это дело обычное. К сожалению, необычно оно для наших "командиров производства" (в силу чего и проблематично их именование оргуправленцами), выросших при развитом социализме, и экономистов -- по указанной выше причине.* Поскольку с политиками (если различать политику и политиканство) и предпринимателями (если отличать их от бизнесменов) у нас в стране "напряженка", то это приводит к достаточно специфической ситуации с ресурсами, к характеристике которой мы переходим в #11).

* Как пишет М.Делягин, "плохой менеджмент -- основная стратегическая преграда для возвращения России в число великих экономических держав". ("Московские новости", N15, 14-21.04.96.)

Заметим, что наличие различных замыслов преобразований, та или иная степень их проработанности (т.е. наличие соответствующих концепций, программ и т.д.), наличие соответствующих знаний о задействуемом материале могут быть -- или не быть -- достоянием представителей разных позиций. Поэтому ситуация, относимая представителем одной позиции, скажем, к типу А, представителем другой (характеризуемой другим средстввильным обеспечением) может быть квалифицирована как В или С. Возможности и способы задействования материала в деятельности определяются в первую очередь средстввильным обеспечением той или иной позиции и конкретного лица, эту позицию занимающего: чем оно богаче, тем многообразнее его возможности, тем больше у него (при прочих равных условиях) степеней свободы, в том числе при выборе тех или иных типов ресурсного обеспечения. Отсюда, в частности, становятся понятными преимущества и недостатки как работы в рамках воспроизводства деятельности (т.е. работы с превращенными формами мышления), так

и за этими рамками. В первом случае мы наперед знаем, на что можно рассчитывать: наши возможности ограничены, но известны (отсюда и пресловутая "уверенность в завтрашнем дне"). Во втором -- перспективы неопределенны: мы вроде бы можем все -- если удастся создать релевантные проблеме средства, но нет никаких гарантий, что мы сумеем это сделать. Второй случай мы подробнее рассмотрим позже. Пока же абстрагируемся от намеченного цикла преобразований и рассмотрим подробнее, что мы имеем в фиксированный момент времени.

#10. Действительно, более или менее масштабные преобразования деятельностных систем (в особенности при характерной для России слаборазвитой инфраструктуре) длительны по сравнению с жизненными планами людей, привязанными к обстоятельствам текущего момента. Фиксируя такой момент (т.е. становясь на житейскую точку зрения), мы не увидим процессов и этапности преобразований, а соответствующие ситуации окажутся рядоположенными и статичными превращенными формами осуществленных ранее мышления и деятельности. Собственно, ситуации по понятию исчезнут, а предлагаемая их типология "спроецируется" и "отпечатается" на материале деятельности, разделенном по ведомствам предметно организованной науки и соответствующих отраслей хозяйства и деятельности вообще. Тогда, имея в виду наличные способы задействования материала, тогда с полным основанием можно будет говорить о:

- материале А, который задан лишь категориально, обычно натурализуется (в форме "материи" или "информации") и оказывается лишь предметом познания;
- материале В-С, который организуется МД определенного типа в форме соответствующих ресурсов (-2) преобразований;
- материале D, который представлен в форме предметных организованностей в уже функционирующих системах производственной (в широком смысле) деятельности и который обычно именуется ресурсами (-1). Материал D можно разделить на два вида: D-1 -- актуально используемый и D-2 -- резервы, запасы.

Такое деление материала далеко не бессмысленно; анализируя его, можно узнать много интересного -- не о материале, а о сложившейся в России социокультурной ситуации, в особенности по части наших "природных" богатств и ресурсов.

#11. Рассмотрим подробнее приведенное деление материала.

Задействован и актуально используется только материал D: это наши натуралистически понимаемые "актуальные" ресурсы (-1). У них есть одна очень важная отличительная особенность: они не могут быть бесхозными, ничьими, поскольку тогда будут немедленно присвоены и использованы первым встречным. Достаточно вспомнить Клондайк, чтобы не распространяться на эту тему. Гораздо сложнее дело обстоит с материалом В-С, или вроде бы с собственными ресурсами (-2) в нашем понимании. С точки зрения наблюдателя, которому известны способы задействования этого материала, он (материал) рассматривается как "потенциальные ресурсы", "природные богатства" России, по которым она занимает первое место в мире. Но с точки зрения инвестора, оргуправленца или предпринимателя, нацеленного на задействование этих богатств, дело обстоит ровно противоположным образом: у нас нет соответствующих концепций, программ и проектов задействования всех этих богатств, они не включаются в хозяйственный оборот, а следовательно, не являются богатством, никак не способствуют развитию России и благосостоянию ее граждан. Между тем, обеспечивать их безопасность (сохранность) нужно, но сами они при этом остаются бесполезными и не вносят своей доли в актуальные ресурсы развития и обеспечения безопасности. Наиболее общей чертой, отличающей их от D, является отсутствие подлинного хозяина, собственника, заинтересованного в их эффективном использовании. Потенциальные ресурсы не только могут быть, но обычно и бывают бесхозными ("общенародными"). Самое интересное обстоятельство состоит здесь в том, что рассуждающие о "богатствах" России натуралистически ориентированные политики, хозяйственники и т.д., а в особенности "профессиональные патриоты", искренне уверены в том, что действительно имеют дело с "богатством". Но при этом рассуждают они не как хозяева этих богатств, несущие ответственность за их употребление, а как наблюдатели. Спрашивается, богатство ли золото и нефть, добыча которых дороже их рыночной стоимости? Или никак не используемые результаты научных исследований и разработок, да и сами ученые, чей труд не востребуется? Или леса, которые выгорают в большем количестве, чем вырубаются (а пожары не удается потушить, потому что до места пожара нельзя добраться)?

Характерными примерами такого рода "богатств" могут служить также: воздушное пространство России (правда, положение с ним вроде бы меняется); большая часть сельскохозяйственных земель (в т.ч. загаженных пестицидами и испоганенных "мелиораторами"); промышленные отходы, технологии переработки которых известны, но не используются; множество известных, но не освоенных месторождений полезных ископаемых; интеллектуальный потенциал общества.

Колоссальный разрыв между потенциальными и актуальными ресурсами отличает Россию (как и все страны СНГ) от развитых стран и определяет сложности ОБ России: надо обеспечивать безопасность, сохранность колоссального национального достояния, а актуальных ресурсов для этого (как, впрочем, и для многого другого) явно недостает. Можно сказать даже больше: именно разрыв между В-С и D представляет собой главную "угрозу" для России, а его сокращение -- важнейшую национальную задачу, и в этом мы видим одну из главных особенностей российской действительности.*

* Иллюстрацией к этому пункту может служить корреспонденция С.Агафонова, посвященная судьбе сахалинского шельфа: "Японцы будут со своим газом, а мы -- с богатым потенциалом" ("Известия", 2.02.96). Между тем, как отмечает К.Сорокин, "в конкурентной борьбе наилучшие шансы имеют не только (а может быть, не столько) страны с большими потенциальными ресурсами, но те, что могут реально мобилизовать имеющиеся возможности и использовать их в рамках единой стратегии" ("Финансовые известия", 29.03.96). До некоторой степени это осознают уже и власти предрежащие. Так, в "Концепции перехода России на модель устойчивого развития" говорится о "неразвитости механизмов практического использования богатого научного, технического, культурного и природного потенциала страны". Беда только в том, что из этого не делается надлежащих выводов -- одного понимания здесь мало.

Материал А тоже крайне разнороден: он может быть природным и техногенным, вещественным и идеальным (результаты многих фундаментальных научных исследований). У материала этого типа, видимо, в принципе не может быть собственника. Изучать его может каждый, а присваивать -- сегодня -- по определению никому и ни зачем не нужно. Но что будет завтра -- мы не знаем.

#12. Теперь спрашивается, как мы будем интерпретировать полученное деление материала -- как классификацию или как типологию? Вспоминая сказанное по этому поводу ранее, можно утверждать, что при классификационной трактовке материал делится на три непересекающихся класса, и любая его организованность с необходимостью попадает в один и только один из них. Напротив, при типологической трактовке одна и та же организованность материала (или тип организованностей) для представителя одной позиции может попасть в категорию А, для представителя другой -- в В-С, для представителя третьей -- в D. К какому типу материала отнесет данную его организованность представитель той или иной позиции, зависит от его обеспеченности соответствующими средствами и техниками употребления этой организованности и/или способности к разработке новых средств. Поэтому наполнение выделяемых типов всегда субъективно и, толкуя, например, об особенностях России и СНГ, где (В-С) >> D, типологически, мы говорим не об особенностях территории РФ, а об особенностях нашей культуры и менталитета, о традициях и нормах нашей деятельности, видим в этом не столько предмет физической географии, сколько предмет культурологии и культуротехники, предмет теории и практики деятельности и МД. Дефицит рефлексии и прожективного мышления, дефицит подлинных предпринимателей, оргуправленцев и политиков -- вот что, на наш взгляд, объясняет выделенную выше главную особенность российской действительности или, если угодно, является второй ее стороной.*

* Как пишет Е.Сабуров, "Можно сказать, что в 1995 г. обязательства по инвестиционным программам выполнены на 2%, а можно сказать, что лишь 2% из капитальных вложений, запланированных "производственниками-практиками", оказались эффективными при нормальной жесткой оценке" ("Сегодня", 19.04.96). Итак, если бы мы хотели длить сложившееся положение дел, если бы оно нас устраивало (а применительно к вопросу о ресурсах, чего греха таить, многим это положение выгодно), то можно было бы трактовать предложенное деление как классификацию. Но если мы занимаем позицию не-удовлетворенцев и говорим о реформах и даже "устойчивом развитии" России, то должны интерпретировать это деление типологически, вернуться от материала к исходным ситуациям его задействования и перенести свой интерес на собственное мышление и деятельность. Занимая эту вторую позицию, поставим вопрос о путях и способах получения

дополнительных актуальных ресурсов за счет материала А+В, т.е. в первую очередь о средствах нашей реформаторской и инновационной МД.

#13. Мы рассматриваем "средства" прежде всего как функциональное (а не родовое) понятие. В зависимости от характера осуществляемой (мысле)деятельности в качестве ее средств могут выступать такие разные организованности, как технические средства, проекты, программы, концепты. Именно арсенал используемых средств определяет "лицо" той или иной системы (мысле)деятельности и в известной мере предопределяет характер материала, который может быть ею задействован, а значит, и характер ресурсов. Средства мы представляем как ядерную организованность "способа употребления", которая -- в отличие от самого способа -- заведомо может мыслиться как отделенная от "употребляемого", чем мы здесь и воспользуемся.

Возвращаясь к выделенной выше конституирующей особенности российской действительности, подчеркнем, что само по себе наличие никак не используемых в хозяйственной деятельности территорий и материала вряд ли можно квалифицировать как существенный компонент национального достояния, или богатства: богатством они становятся лишь по мере освоения, т.е. разработки и реализации способов задействования (употребления) в деятельности. Напомним, что такое задействование мыслится нами (по принципу) прежде всего в проективном мышлении и оргуправленческой МД, для чего необходимы, во-первых, соответствующие замыслы, а во-вторых, релевантные -- этим замыслам и формируемой ими ситуации -- средства их реализации.

Ни замыслы, ни средства не возникают на пустом месте, а формируются -- параллельно или последовательно -- в МД не-удовлетворенца. Последняя развертывается в сложную полисистему, целостное рефлексивное осмысление которой, на наш взгляд, представляет собой один из сложнейших проблемных узлов современной мысли. Эта проблема может быть интерпретирована как предмет несуществующей гипотетической "теории реализации замыслов". Пока мы имеем недостаточно проработанные представления лишь отдельных фрагментов этой полисистемы -- таких, как концептуализация, стратегирование, политика, программирование, проектирование и т.д., а также некоторых связей между ними (например, переходов от концепций к стратегиям или выходов из программирования в проектирование).

С другой стороны, эта полисистема может мыслиться как особое представление МД. Но и в такой интерпретации получены лишь самые общие результаты [9, с.281], которые требуют, во-первых, углубленной проработки, а во-вторых -- специального пере-представления в обсуждаемом плане.

Вопрос о ресурсах понятным образом вписывается в такой контекст: с этого мы, собственно, и начинали свой дискурс, но в силу указанных обстоятельств мы ограничимся здесь только одной фокусировкой всего перечисленного, толкуя концепции, стратегии, программы и т.д. как особые организованности МД и средства реализации замыслов. Таким образом, "за кадром" остается, в частности, важнейший типодейятельностный аспект, лишь обозначенный в книге [4] и частично проработывавшийся в серии наших изрядно устаревших статей в "ЧиП". Более того, даже в такой предельно зауженной постановке вопроса мы вынуждены, считаясь с рамками своей темы и журнальной статьи, ограничиться всего лишь некоторыми примерами и соображениями.

Прежде всего, оборачивая сказанное на собственную работу, заметим, что, с этой точки зрения, мы занимаемся здесь и теперь развертыванием замысла СМД трактовки ресурсов и ресурсной политики. В какой мере эту работу можно квалифицировать как концептуализацию замысла -- пока неясно (поэтому мы и снабдили ее подзаголовком "Материалы для обсуждения"). Надеемся, что если такое обсуждение состоится, то в итоге мы вполне можем получить желаемую концепцию -- в том смысле, в каком это понятие трактуется в [7]. На наш взгляд, подобная концепция была бы незаменимым средством формирования и реализации соответствующей политики уже в социокультурной действительности.

Следовательно, по отношению к охарактеризованному в предыдущем разделе аспекту социокультурной ситуации в России наш замысел носит рефлексивный характер: мы обсуждаем не возможные варианты ресурсной политики, а хотим (в принципе и в конечном счете) построить концепцию такой политики вообще.

#14. Возвращаясь к самой этой ситуации, можно сделать первый шаг в направлении процедуризации и указать на некоторые конкретные средства задействования

материала в (мысле) деятельности. Это, в первую очередь, проектирование (в широком смысле) и прикладная наука, для использования которых следовало бы предварительно разработать соответствующие стратегии и программы. Здесь показателен опыт Японии: не имея ни обширной территории (и та, что есть, к тому же подвержена землетрясениям и ураганам), ни так называемых "природных богатств", ни особых достижений в фундаментальной науке, Япония тем не менее стала -- притом всего за время жизни одного поколения -- одной из самых процветающих и динамично развивающихся стран (а по мнению некоторых экспертов -- едва ли не единственной "устойчиво развивающейся").

Итак, проектирование и прикладная наука -- средства освоения территории и материала, перевода А в В. Причем, это -- первейшая забота государства и (в масштабах России) субъектов федерации, ибо другим хозяйствующим субъектам все это, как правило, не нужно и непосильно. Спрашивается, откуда брать ресурсы на эту работу? Ответ кроется в продолжении нашего рассуждения: в средствах и механизмах реализации программ и проектов и, соответственно, перевода "богатств" в ресурсы.

Наряду с проектированием и наукой (последняя приобретает на этом месте некую специфику, о которой чуть далее), решающим моментом и основным средством здесь оказывается приватизация: как свидетельствует богатый исторический опыт, только принадлежащее кому-то богатство становится богатством без кавычек, только собственник способен эффективно задействовать богатство в деятельности, обогащаясь далее и, тем самым, обогащая страну, где разворачивается его деятельность. Не обязательно, кстати, только свою страну: инвестиции за рубежом, как известно, могут быть выгодны обеим сторонам, а пресловутая "распродажа Родины" приобретает в свете всего сказанного совсем иной вид. Некоторые шаги, предпринимаемые в указанном направлении за последнее время (вроде закона о разделе продукции) кажутся полезными, но недостаточными: в частности, только введение полноценной частной собственности на землю может радикально разрешить эту проблему.*

* Чтобы не ходить далеко за примерами, сошлемся на мнение эксперта Ассоциации российских банков Л.Макаревича. В "Финансовых известиях" от 29.08.95 он пишет, в частности: "Насильно сохраняя за собой земельные ресурсы, государство не позволяет банкам использовать их для создания новых механизмов финансирования [землепользования -- Авт.]. Допускается самая варварская эксплуатация земли (и других природных богатств), стремительно теряющей плодородие. Миллионы гектаров брошены, экологически уничтожены, стали непригодными для возделывания". Кроме того, по оценке Е.Сабурова, фактически достигнутая "доля частных, включая и коллективные, предприятий, не превышает 10%" ("Сегодня", 19.04.96).

Несколько слов о науке. Если обеспечение программирования и проектирования и, соответственно, перевод А в В осуществляется средствами традиционных технических и естественных наук, посредством которых формируются новые технологии, то вопрос о переводе В в С и затем в D есть вопрос о "внедрении" уже известных средств и технологий, которое на протяжении многих десятилетий было в СССР камнем преткновения. Нам уже приходилось писать об альтернативной "внедрению" стратегии инновационной деятельности [5], но эта тема пока не получила дальнейшего развития. Между тем, упования на рынок как на панацею в том числе и от этой беды пока что не оправдались. (Можно думать, кстати, что все по той же причине: "внедрение" рыночных отношений натолкнулось на тот же самый "камень".) Средство преодоления этой трудности -- развитие особого типа научных исследований, имеющих своим предметом не материал и объекты деятельности (почвы, стройматериалы или элементарные частицы), а ее самое (деятельность). Кстати, именно знания о мышлении и деятельности нужны политикам, организаторам и управленцам вообще -- в отличие от знаний об объектах деятельности, необходимых для производства.

В области деятельностно ориентированных исследований Россия (трудами ММК) занимает, скорее всего, первое место в мире, но и этот ресурс остается практически невостребованным, как, впрочем, большинство других идеальных (в противоположность материально-вещественным) ресурсов.

#15. Итак, господствующая пока натуралистическая трактовка ресурсов вполне соответствует ситуациям функционирования и воспроизводства деятельности, т.е. удовлетворенности существующим порядком вещей. Осознанный переход в преобразовательскую позицию, напротив, предполагает СМД трактовку ресурсов и

развертывание целой системы соответствующих понятий, представлений, форм организации деятельности, о которых мы и говорим. Как это ни парадоксально звучит, но с первой позицией -- удовлетворенности -- по-видимому сопряжены и так называемые "глобальные экологические проблемы", пути преодоления которых мы также связываем с переходом во вторую: не надо исчерпывать "природные ресурсы", надо вовремя переходить от одного типа ресурсов к другим. (Собственно, в этом мы и видим, в отличие от господствующих интерпретаций, позитивное содержание модной идеи "устойчивого развития".)

Наконец, проясняется вопрос о первоисточнике всех и всяческих ресурсов. Им оказывается интеллект, с работой которого связаны диверсификация и развитие систем деятельности, создание новых способов задействования материала. Но источник этот весьма специфичен в том смысле, что некоторым образом неуправляем. Мы можем, конечно, ориентировать интеллект в желаемом направлении (поставив интересующие нас вопросы), но сработает ли он -- сразу, через год или через сто лет, -- дело случая и удачи. Мы располагаем лишь некоторыми средствами влияния на этот процесс, имея возможность озаботиться, во-первых, образованием людей, способных к интеллектуальной работе, и во-вторых, надлежащей организацией этой работы. В указанных областях ММК рафинирован некоторый опыт, в основе которого лежит различие проблемной и задачной организации мышления. Проблематизация и решение проблем (т.е. разработка необходимых для этого средств) оказываются важнейшими формами акта мысли. Что же касается образования (в отличие от обучения), то оно и вообще возможно лишь в рамках проблемной организации. Возвращаясь к введенным выше различиям, можно сказать, что "интеллектуальный ресурс" -- это потенциальный ресурс совершенно особого рода (его актуализация и задействование нам в значительной мере неподконтрольны). Точнее будет говорить не об "интеллектуальном ресурсе общества", а об интеллектуальном потенциале, и понимание этого обстоятельства, можно надеяться, позволит нам более целенаправленно и осмысленно заботиться о его росте и актуализации. В частности, неуправляемость (в указанном смысле) интеллекта, известная случайность его срабатывания делает для нас вполне содержательным понятие "человеческого капитала". При прочих равных условиях существенную роль играет масса этого капитала: чем она больше, т.е. чем больше людей, владеющих интеллектуальными функциями ("образованных" в точном смысле слова), тем чаще случаются акты мысли. Этим и определяется эффективность инвестиций в образование, особенно наглядно продемонстрированная в последние десятилетия Южной Кореей.

К "прочим условиям", которые реально отнюдь не равны, относится прежде всего организация мышления и МД, актуализирующая (в меру наших способностей к рефлексии) интеллектуальный потенциал, позволяющая получать "проценты" с человеческого капитала. Именно в этой области мы имеем колоссальные и практически неиспользуемые возможности, о самом существовании которых, по-видимому, не подозревает большинство наших инвесторов (включая и власти предрержащие). Эти возможности суть прежде всего возможности обеспечения (т.е. ресурсы) развития и безопасности, которые мы по-прежнему мыслим исключительно во всякого рода превращенных опредмеченных формах -- экономических, экологических и т.п.

Проясняется и еще один важнейший момент -- касательно неприятного, на первый взгляд, выражения "человеческий материал". Человек действительно может занимать те или иные функциональные места в системах деятельности, и в этом смысле данное выражение совершенно нейтрально. "Материалом" с негативным оттенком человек становится тогда, когда его назначение устанавливается по усмотрению извне (в качестве "трудового ресурса", "пушечного мяса" и т.п.). Он перестает быть таковым в результате образования (потенциально) и самоопределения (актуально), когда он сам решает, что и как ему делать. В этом смысле понятия "человеческий материал" и "человеческий капитал" можно противопоставить друг другу, а смысл проводящихся в России реформ тогда следует усматривать в формировании человеческого капитала из человеческого материала. Это, однако, совершенно особая тема, требующая отдельного обсуждения.

#16. В рамках же данной работы нам необходимо будет более подробно остановиться на ключевом моменте формирования ресурсов за счет интеллекта. Этот момент уже становился предметом обсуждения методологов. В частности, базовые представления о воспроизводстве и развитии деятельности у П.Щедровицкого [10] выступают как представления стационарной и динамичной хозяйственных ситуаций.

1) Используя известные и отработанные "старые" способы потребления "старого" же материала в деятельности, мы имеем возможность увеличивать только объемы производства (увеличивая станочный парк или добычу полезных ископаемых), наращивая тем самым старый ресурсный потенциал, за счет которого можем, в частности, формировать запасы или резервы. Если иметь в виду использование природного материала, то придется признать ограниченность такой экстенсивной политики, естественные пределы которой задаются доступными нам объемами того или иного материала в природе. Структуры деятельности и ее ресурсного обеспечения остаются при этом неизменными; действуя таким образом, мы обеспечиваем лишь производство, функционирование и временно -- это надо особо подчеркнуть -- воспроизводство. Кое-кто может при этом обогащаться, но этого еще недостаточно для развития. Принципиально, что и обогащение в этой схеме выступает как обогащение одних агентов рынка за счет других: это "игра с нулевой суммой". В перспективе такая стратегия ведет рано или поздно к "проеданию" ресурсов (-1), стагнации и обнищанию, в чем мы имели случай убедиться на опыте "развитого социализма".

2) Любая форма обновления деятельности и, соответственно, ее ресурсной базы -- за счет выработки и использования новых средств и технологий, нового типа материала, либо того и другого вместе -- открывает принципиально новые возможности, связанные с умножением (диверсификацией) ресурсов. Это -- путь развития, в рамках которого возможности обогащения увеличиваются, но становятся лишь одним из частных случаев, одним из возможных направлений ресурсной политики. Принципиально здесь то, что обогащение в этой схеме осуществляется не за счет перераспределения ресурсов (в т.ч. финансовых) между хозяйственными агентами, а за счет диверсификации и формирования новых систем деятельности и ресурсов. Локальное развитие приводит к глобальному обогащению: отсюда и "богатые страны", чье богатство создается отнюдь не "природными ресурсами", а предпринимательским мышлением [8] и МД.

Умножение ресурсов осуществляется при этом в двух смыслах: во-первых, в смысле умножения их типов, диверсификации, а во-вторых, в смысле обогащения ресурсного потенциала за счет появления новых типов ресурсов, добавляющихся к старым (а нередко в итоге и сменяющим их).

Эти фиксации служат для нас отправной точкой обсуждения понятия ресурсов в новом контексте -- анализа связей между системами (мысле)деятельности. Результаты такого обсуждения позволят нам сформулировать методологические основания ресурсной политики.

(Продолжение следует)

1. Друкер П. Рынок: как выйти в лидеры. М., Бук Чембер интерн., 1992.
2. Левада Ю.А. Какие ресурсы сегодня исчерпаны? В сб. "Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа". М., "Прогресс", 1989.
3. Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М., Прогресс, 1989.
4. Рац М.В. Политика развития: первые шаги в России. М., Касталь, 1995.
5. Рац М.В., Ойзерман М.Т. Размышления об инновациях. "Вопросы методологии", N 1, 1991.
6. Рац М.В., Тарутин С.Л. Развитие versus "устойчивое развитие" общественных систем. Труды совещания по системному подходу. Академия гос. службы. М., 1996 (в печати).
7. Русская идея: демократическое развитие России. "Вопросы методологии", N 1-2, 1995. Отдельное издание: М., Российский научный фонд, 1996.
8. Шумпетер И. Теория экономического развития. М., "Прогресс", 1982.
9. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., ШКП, 1995.
10. Щедровицкий П.Г. Предисловие. Понятие рынка в СМД подходе. В сб. "Программирование культурного развития: региональные аспекты", вып.2, М., 1993.